
Публикацией статьи нашего таллинского автора Владимира Илляшевича редакция завершает разговор об истории противостояния России и Запада, начатый Михаилом Леонтьевым в майском номере “Нашего современника”.

ВЛАДИМИР ИЛЛЯШЕВИЧ

РУССКИЙ МИР И МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОСТРАНСТВА

На Александро-Невском кладбище в Таллине есть фамильное захоронение ревельского военного и флотского семейства Изыльметьевых. Среди могил бросается в глаза мраморное надгробие контр-адмирала российского флота Ивана Николаевича Изыльметьева (4. 01. 1813—4. 11. 1871).

В 1913 году на Путиловской верфи в Санкт-Петербурге был заложен, по проекту легендарного “Новика”, эскадренный миноносец “Изыльметьев”, а сдача корабля в состав Балтийского флота состоялась летом 1916 года. (С 3 марта 1922 года он был переименован и носил название “Ленин”.) Именем этого русского моряка названы гора, мыс и залив у Татарского пролива близ южной оконечности дальневосточного острова Сахалин.

Далёкая от Балтики, почти на другом конце планеты, шумит тихоокеанским прибоем морская бухта Изыльметьева. История знает это имя потому, что Изыльметьев сыграл решающую роль при обороне Петропавловска-на-Камчатке во время Крымской кампании 1853—1856 годов.

...Апрель 1854 года — предгрозые Крымской войны. Фрегат “Аврора” о сорок четырёх пушках стоял в перуанском Кальяо. Вот-вот ожидалось объявление войны, и стоявшие тут же два фрегата объединённой англо-французской эскадры преградили путь в открытое море, чтобы в назначенный час захватить “Аврору”. Под прикрытием густого тумана, столь обычного в этих

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич родился в 1954 году, писатель-прозаик, публицист и политолог, председатель Эстонского отделения Союза писателей России, член Исполкома Международного сообщества писательских союзов (МСПС), постоянный член совета Всемирного Русского Народного Собора, главный редактор журнала “Балтика” (Таллин). В прошлом — журналист-международник, заведующий региональным корпусом Агентства печати новости (АПН) в странах Северной Европы. Живёт в Таллине (Эстония)

акваториях, командиру фрегата Изильметьеву удалось вывести корабль на океанские просторы и уйти от погони. В рекордные сроки он привёл “Аврору” к Петропавловску-Камчатскому, где вместе с начальником небольшого гарнизона контр-адмиралом Василием Степановичем Завойко организовал оборону города. 7 батарей с 40 орудиями, пушки с бортов фрегата “Аврора” и транспорта “Двина” были развёрнуты жерлами к морю, откуда ожидалось нападение англо-французской эскадры и десанта. Нет смысла описывать сражения при защите города от превосходивших в четыре раза сил врага, как и схватку с английской эскадрой адмирала Эллиота в бухте Де-Кастри весной 1855 года. Важно то, что Петропавловск-на-Камчатке не был взят неприятелем, и немалые потери понесли именно британцы, умывшись океанской солёной водичей, густо замешанной на крови многих сотен своих моряков и десантников.

Надобно отметить, что этому крупному событию на далеком Тихом океане в период Крымской кампании предшествовали две английских морских атаки на Белом и Баренцевом морях. Сначала их объектом стал Соловецкий монастырь, а затем уездный город Архангельской губернии – Кола. Как видим, география Крымской кампании оказалась куда обширнее, нежели об этом можно судить по её названию. Злые стычки в подбрюшье Арктики и в морях Ледовитого океана, поход западной союзнической эскадры в мае 1855 года в Балтийское море (обстреляв Свеаборг и постояв против Кронштадта, эскадра ушла назад), крупные сражения на Чёрном море и на Дальнем Востоке, у города в Петропавловской бухте Авачинской губы Тихого океана...

Сам по себе напрашивается вывод: есть основания говорить о попытке интервенции со стороны ведущих западных стран того времени, носившей глобальный геополитический, а не сугубо региональный характер. **Военный конфликт, известный под “локальным” наименованием Крымской кампании, является важным звеном в череде попыток Запада создать условия для своей мировой гегемонии.** Заметим, даже не лидерства, предполагающего прежде всего конструктивный взаимообмен с остальным миром, а, стало быть, необходимость не только “брать”, но “давать”, делиться, а именно гегемонии, подразумевающей полное доминирование Запада и безусловное подчинение ему остального мира.

Год 1854: статья в британской “Экзаминер”

7 марта 1854 года, в преддверии Крымской кампании, в лондонской либеральной еженедельной газете “Экзаминер” (“Examiner”) появилась прелюбопытнейшая статья “Как Англии лучше всего вести войну с Россией”. Материал оказался востребованным, его охотно перепечатала американская “Нью-Йорк таймс”. Имеет смысл познакомить с ним и русского читателя.

“...Если мы блокируем Балтийское и Чёрное моря, экспорт излишков станет невозможным, и, соответственно, русские помещики в смысле получения ренты и доходов очутятся в том же положении, в каком оказались бы английские эсквайры, если бы им, их фермерам и работникам пришлось потреблять в своё удовольствие производимые ими говядину, хлеб и пиво без всякой возможности продавать излишки.

Жёсткая блокада русских портов, которая задержит весь годовой урожай на внутреннем рынке и будет продолжаться и тогда, когда при обычных обстоятельствах русские начали бы готовиться к новой посевной, камня на камне не оставит от социальной системы России. И нам не придётся отправлять в бой ни одного солдата, мы не прольём ни капли своей крови. Мы будем вынуждены год или два платить двойную цену за свечи и обувь, а также увеличить расходы на содержание флота. Далее русские помещики будут сражаться вместо нас. Если мы не позволим их товарам покидать пределы страны, они за свою ренту и доходы разорвут в клочья социальную систему России. И если ныне царствующий глава дома Романовых обратится к помещикам с призывом пожертвовать своими доходами во имя его чести, царя ждёт судьба его предшественников, Александра и Павла”.

“...Александр (император Александр I. – В. И.) обязался, что Россия будет придерживаться континентальной экономической системы. Но он не смог

сдержать своего обещания, и вторжение в Россию, целью которого было помешать русским покупать, было ими отброшено, ибо в конечном итоге они лишились бы возможности продавать свои товары. Русские помещики оказали сопротивление Наполеону, поскольку понимали, что его триумф лишит их ренты и доходов – для них это был вопрос получения или неполучения прибыли. А когда Наполеон отступал через Германию, сердца немцев преисполнились ликованием не потому, что они вновь смогут покупать товары англичан, а от возможности опять продавать им свои и, соответственно, получать доход. Наполеону противостояли материальные интересы России и Германии, и он был повержен.

В условиях нынешнего кризиса стоит заставить работать на себя эти материальные интересы, которые Бонапарт обратил во врагов. Это позволит нам одержать скорую, дешёвую и окончательную победу... Необходимо приступить к блокаде Балтийского и Чёрного морей таким образом, чтобы как можно быстрее довести русских собственников до бедности, отчаяния, возмущения и покорности”.

Нетрудно заметить, что в статье определена **главная цель** предстоявшей Крымской кампании: довести Россию “до бедности, отчаяния, возмущения и покорности”.

Поставлена и **задача**: обеспечить контроль Великобритании (при содействии Франции) над торговыми путями России, лишить её возможности **продавать, сбывать** свою продукцию на международных рынках, потому что Россия – экономически самодостаточна, и её благосостояние и сила куда меньше зависят от возможностей **покупать, приобретать** товары из-за рубежа.

Была выработана также своего рода **технология и метод** изоляции России от доступа к торговым путям: “жёсткая блокада русских портов” путём обретения военно-политического контроля над морскими рубежами России, над её приморскими территориями. На практике имелись в виду захват портов на Чёрном и Балтийском море, на Дальнем Востоке и блокирование их на северном побережье российской империи, то есть на всех акваториях вокруг “восточного колосса”.

Впрочем, ничего нового в этом не было ни в контексте Крымской кампании, ни на протяжении минувших 400 лет (с “хвостиком”), с тех пор, когда Британская империя обрела корону “владычицы морей” после завершения эпохи испанского морского и океанического господства. Нет ничего нового и поныне. Не случайно же за отделением прибалтийских (приморских !) республик от Советского Союза (России) в начале 1990-х годов стоят прежде всего США и Великобритания, которые в настоящее время контролируют и фактически определяют внешнеполитическое поведение официальных Таллина, Риги и Вильнюса. Не вызывают удивления действия этих же “морских держав” в Чёрном море, в Закавказье, их особый интерес к каспийским берегам и к тамошним месторождениям.

Геополитика: “морские” и “континентальные” державы

Геополитика как свод теоретических моделей и международной практики мыслится на Западе как давно сложившаяся, проверенная временем система оценок, алгоритмов, подходов, способов действия и внешнеполитических “технологий”. В основе лежит теория о “великом столкновении континентов”, суть которой раскрывается в постулировании динамического противопоставления двух геополитических начал: **континентального и морского**. Согласно этой модели, в упрощённом варианте, все народы мира можно грубо поделить на приморские (“морские”) и континентальные, в зависимости от того, ориентированы ли они к освоению “своего” и мирового пространства сухопутным или морским путём.

Речь идёт не только о разных способах коммуникаций и транспортных сообщений, транзитных путях или, шире, о векторах и масштабах внешней экспансии государств (будь это военно-политическая, финансово-экономическая или культурная экспансия). Имеются в виду два различных мировоззрения, подхода к устройству мира, два типа цивилизации, которым свойственны свои, особые способы формирования и реализации внутренней и внешней политики.

* * *

Именно для “цивилизаций приморского типа” характерен примат экономического фактора над политическим, из которого как бы закономерно вытекает “либеральная рыночная модель”. В современной истории самым ярким примером здесь может служить история колониальных захватов Великобритании на основе создания глобальной морской империи (аналоги в античные времена – “талассократия” Афин и древний Рим). Эту миссию сегодня выполняет США на основе универсальной концепции “атлантизма”, которой американская элита следует вот уже 60 лет и скорый конец которой предрекают многие аналитики, в том числе и в США. Об этом примерно год тому назад заговорила на одном из закрытых форумов даже нынешний госсекретарь Кондолиза Райс. Но осмысление этого грядущего отказа Соединенных Штатов от концепции “атлантизма” внятно артикулировал выдающийся русский историк конца XX – начала XXI века А. С. Панарин в книге “Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке” (М., 2005): *“В США неоконсервативная волна совпала с перемещением социокультурного и цивилизационного центров с Атлантического побережья к Тихоокеанскому, от Техаса к Калифорнии. Неоконсерваторам удалось использовать героическо-индивидуалистический миф “Дикого Запада” в борьбе с атлантическим комплексом леволиберального попустительства и связанными с ним патерналистскими тенденциями “большого государства” [...] Неоконсервативная волна в Америке вряд ли была бы возможна вне современного диалога цивилизаций, в частности, вне вызова со стороны Азии”*.

Напротив, основой “континентального геополитического принципа” является “примат политического над экономическим фактором”, относительно устойчивая государственная и общественная иерархия, экономика с выраженным государственно-социальным профилем, так же как и духовность, которая обладает высоким потенциалом религиозности, в противоположность западному рационализму с его крайним секуляризмом. Такая модель цивилизации появилась в православной Руси. Американский политолог и бывший заместитель госсекретаря США Самюэль Хантингтон на этот счёт высказался таким образом, что граница либерального и индивидуалистического Запада в Европе проходит там, где начинается авторитарное и коллективное православие.

Казалось бы, спонтанно происходящие исторические события скрывают постоянные столкновения двух цивилизационных моделей – западноевропейской (католическо-протестантско-секулярная) и восточноевропейской (православно-российская, или Русский мир), двух способов мышления, как на мировом, так и на внутреннем политическом уровне отдельных государств.

Теоретические модели становятся понятными, если их рассматривать в геополитическом ключе. Поэтому геополитика если и нужна, то хотя бы в смысле методологии сравнений и аналогий. Разве противоборство СССР и США в Афганистане в XX столетии не воскрешает противостояние Российской и Британской империй в XIX веке? Не является ли ныне происходящее в странах Среднего Востока всего лишь новым раундом в столкновении российского континентального “блока” с англосаксонским? Не напоминает ли политика президента Рейгана по бескомпромиссному противостоянию “империи зла – СССР” и по окружению Советского Союза кольцом военных баз прошлые попытки геополитического окружения России, захват её “кольцом анаконды” от Западной Европы через Ближний Восток и Азию до Японии? Не происходило ли подобное же в Крымскую кампанию середины XIX века? Не имеем ли мы дело с теми же давно известными явлениями, которые сегодня видоизменились, но сохранили свою суть?

Скорее всего, ответы на эти вопросы будут утвердительные. Концепции “атлантизма” и “континентализма” как выражение прежних идеологем (“морские” и “континентальные” державы) стали не столько географическими и геополитическими, сколько идеологическими и культурологическими понятиями. А стало быть, категориями, которыми следует оперировать на более высоком уровне обобщений – на уровне взаимоотношений целых междивилизационных систем (моделей). В этом смысле – и вопреки утверждениям мондиалиста С. Хантингтона – “стратегическая победа (Запада над Россией. – В. И.) в “холодной войне” ещё не является цивилизационной.

Столкновения в междивизиционных зонах

Уроки Крымской кампании можно отнести к целой череде исторических уроков подобного рода, коих история взаимоотношений России и Запада знает немало. Согласно нормам геополитики обратимся вновь к географическому фактору. Где именно произошёл конфликт? Кто был его участником? Не столько в смысле конкретных государств [Англия, Франция, Турция и Сардиния (ныне – Италия) против России], сколько в смысле цивилизационных парадигм, носителями которых являются эти страны. Такой подход предвосхищает куда более масштабные выводы. Здесь особое значение приобретает вопрос о **междивизиционных пространствах**.

* * *

Проблематику в целом можно рассматривать в трёх традиционных цивилизационных аспектах – геополитическом, геоэкономическом и геокультурном. Геополитика доминировала в цивилизационной картине всего мира в XIX веке и в первой половине XX столетия. Именно геополитические конструкции и устремления служили основой внешней политики и её доктринальным объяснением. Со второй половины XX века военно-политическое присутствие и контроль территорий (“материковых” и колониальных) начали уступать место геоэкономическим устремлениям и обоснованиям. Геополитические интересы становятся вторичными. В парадигме геоэкономического присутствия и контроля (финансовые потоки) пребывает сейчас мир, но уже ощущается дыхание грядущих перемен. На смену геоэкономике движется куда более сложная парадигма, которая будет, видимо, определять цивилизационный портрет мира в XXI столетии. Речь идёт о геокультурной парадигме со всем её инструментарием, в первую очередь, в виде информационных технологий и так называемых “сетевых структур и войн” (включая “цветные революции”), а также с устремлениями к экспансии и доминированию в информационно-культурной сфере со стороны ведущих держав мира, а точнее, со стороны цивилизационных систем-моделей.

Этих моделей на сегодняшний день в мире немного – западноевропейская (с нынешней доминантой англосаксонского влияния), восточноевропейская (Русский мир), арабо-исламская, азиатско-тихоокеанская (с доминантой китайского влияния), нарождающаяся латиноамериканская, а также, с большой натяжкой и неопределённостью в перспективе, африканская.

Однако обширные пространства (и, соответственно, государства, на них расположенные) трудно отнести к классическим цивилизационным моделям. Когда историки и политологи чертят линии на географических картах, обозначая разделительные рубежи, то это зачастую представляется школярским занятием. Когда-то линию между Востоком и Западом проводили по Одру и Нейсе. Сейчас чертят по реке Нарове и Чудскому озеру на юг к Чёрному морю (балтийско-черноморский вектор). Тем временем более широкий историософский взгляд обнаруживает совсем иную картину. Дело в том, что цивилизационные системы не соприкасаются границами “встык”. Они накладываются “краями” друг на друга, образуя **междивизиционные зоны, или пространства**.

Имея в виду места сретения западноевропейской и восточноевропейской моделей (Русский мир), мы можем говорить о широкой полосе пространств (зон), включающую целую вереницу государств и территорий от Балтики до северного и западного побережья Чёрного моря – Финляндия, прибалтийские страны, Польша, Словакия, Венгрия, Румыния и Молдавия. Далее, к зонам междивизиционных пространств можно отнести Закавказье, прикаспийские территории, Среднюю Азию и алтайско-дальневосточный вектор, которые являют собой место сретения Русского мира с арабо-исламским и с азиатско-тихоокеанскими цивилизационными пространствами.

Увы, упрощённый подход присущ пониманию мировых процессов взаимодействия известным американским политологом Самюэлем Хантингтоном, если говорить о его ныне широко цитируемой книге “Столкновение цивилизаций” (1997). Бывший сотрудник Госдепа не избежал очевидного влияния весьма утилитарного фактора международно-политической целесообразности,

сопряжённого с конкретным политическим заказом. Главным результатом передела мира должно стать, по замыслу заказчиков, установление глобального господства, гегемонии США. Этим объясняются как опыты Хантингтона из области “черчения” на географических картах (границы между Западом и Востоком, например в Прибалтике, – по реке Нарве) вместо признания существования межцивилизационных зон, так и его выводы о неизбежности столкновений между цивилизационными системами и пространствами.

Между тем такие конфликты отнюдь не неизбежны. Конечно, угроза столкновения возникает именно в местах цивилизационных сретений. Опасности, не разрешимые мирными средствами, могут появиться тогда, когда складывается ситуация очевидной диспропорции между цивилизационными моделями (если хотите, между “центрами силы” в широком понимании). Как только одна из моделей резко усиливается в мощи, а другая слабеет, нарастает угроза конфликта. Так произошло в результате развала СССР. Примерами такого итога стали “антироссийский” выбор прибалтийских и восточноевропейских народов и стран, конфликтные ситуации в Закавказье и на Северном Кавказе, в республиках Средней Азии, цивилизационное давление тихоокеанско-азиатского пространства на регион российского Дальнего Востока, кризисы на Украине, разделённой на исконно русские, восточные районы, и западноукраинские ареалы, являющиеся частью межцивилизационного пространства с причудливым переплетением православных, католических и маргинальных (униатство) влияний. На юге Украины Запад стремится воспользоваться кризисным состоянием украинского общества и фактически поставить под свой контроль черноморское приморье вместе с Крымом, как это было в Крымскую кампанию середины XIX века, или позднее в период Гражданской войны, или во время Великой Отечественной войны.

Но к чему привели эти процессы в той же Прибалтике? Вряд ли кто будет оспаривать утверждение, что западноевропейские наднациональные институты (НАТО, ЕС и пр.) “владеют” прибалтийскими странами, превратившимися в классические лимитрофы (корректный политологический термин, а не в обиду сказанный эпитет!). Не стало в этих странах сколько-нибудь самостоятельного сельскохозяйственного производства, промышленности, собственной банковской системы. Чтобы спрогнозировать реакцию этих стран на события в мире, достаточно знать позиции Вашингтона и Лондона.

До сих пор процветание Объединённой Европы, куда поспешили вступить Эстония, Латвия и Литва, зиждилось на двух, казавшихся незыблемыми столпах. Эти столпы – стабильность и большой достаток. Вместе эти два понятия образуют смысл комфорта, сути общества потребления. Но куда же исчезает стабильность? После варварской бомбёжки растерзанной Югославии и уничтожения двух тысяч мирных белградцев от англо-американских бомб с “обеднённым ураном” (!), или постоянно вспыхивающих ночных ваханалий в Париже и в Германии, или баскских взрывов в Испании... К тому же нарождается новое явление – исламская Европа, пугающая своей пассионарностью. А куда исчезает достаток? Явственно забрезжил энергетический кризис, предвещающий в короткий срок превратить сытую жизнь в тёмный, холодный и голодный мираж для всей Западной Европы.

Столпы западной конструкции комфорта рушатся... Правильный ли выбор сделали прибалтийские элиты в пользу Объединённой Европы в 1990-х годах? Это вопрос обретает всё большую актуальность для народов Прибалтики. В последние годы Россия оправляется, сосредоточивается и крепнет. В то время как возведение здания “Соединённых Штатов Европы” явно застопорилось. Заметны признаки стремления элит ведущих западноевропейских стран плюнуть на дальнейшее строительство “общеевропейского дома” и начать выстраивать двусторонние отношения с Россией. Не случайно же появились “энергетические” проекты России–Германии, России–Франции, России–Норвегии, России–Голландии, России–Средиземноморья (Болгария, Италия, Греция, Сербия).

Говоря о “прибалтийской модели”, с сожалением отметим, что не скоро случится возвращение прибалтийских народов под сень естественного, органичного для них русского этнокультурного пространства. А ведь именно оно не раз обеспечивало прибалтийским народам выживание. Благодаря ему эстонцы и латыши, да и не только они, выжили, приобщились к общей христианской цивилизации, возросли, возмужали, создали нации, свою элиту, культуру

в современном её понимании и даже обрели свою государственность. Такова благотворная особость Русского мира и его цивилизационного влияния. Всего этого западноевропейская модель не предлагала и не предлагает.

Так не разумнее ли воспользоваться преимуществами цивилизационного програничья? Вместо того, чтобы играть роль “тарана” Запада в его натиске на Россию, не лучше ли стать местом встречи, делового и культурного диалога Запада и Востока?

Сказанное относится не только к Прибалтике. Последний раз бросим взгляд на ветхую карту Крымской войны. Западные державы пытались превратить межцивилизационные пространства по всему периметру российских границ в территорию боевых действий. Но ту же гигантскую геополитическую дугу можно преобразовать в территорию взаимодействия, сулящего мир и процветание населению межцивилизационных пространств.